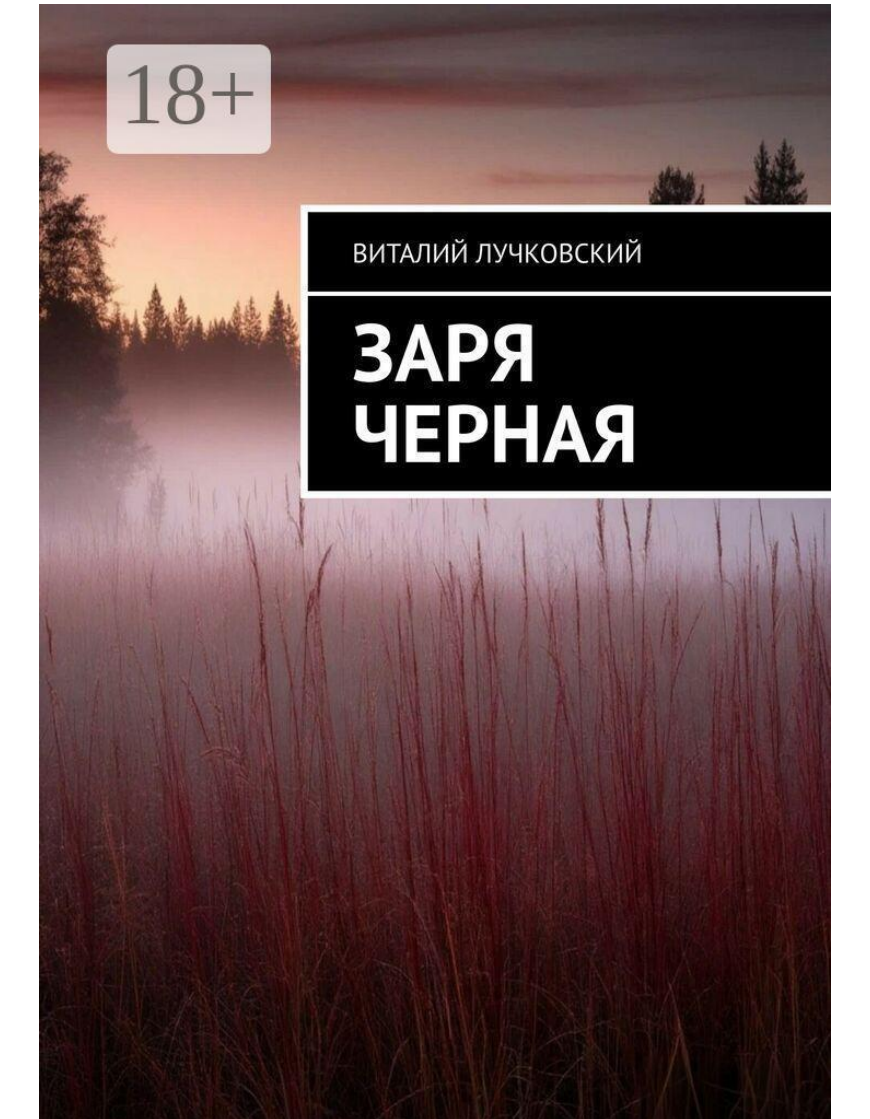

The background of the book cover is a photograph of a misty landscape at dawn or dusk. In the foreground, there is a field of tall, thin, reddish-brown grasses. In the middle ground, a dense forest of evergreen trees is visible, partially obscured by a thick layer of mist or fog. The sky is a mix of soft orange, pink, and grey tones, suggesting a low sun. The overall mood is quiet and atmospheric.

18+

ВИТАЛИЙ ЛУЧКОВСКИЙ

ЗАРЯ ЧЕРНАЯ

Виталий Лучковский

Заря черная

<https://litres.ru/74374449>

ISBN 9785007100724

Аннотация

Ей не суждено влюбляться. Не судьба завести семью. Когда в твоих руках игрушка смертоноснее оригинала, когда монстры на каждом шагу, хрупкой, нежной, красивой девушке приходится стать охотницей и лезть в те кошмары, куда в здравом уме не полезет больше никто. Ее имя — Кара. Как наказание, искупление. Смерть.

Содержание

Заря черная	5
Глава 2	33
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Заря черная

Виталий Лучковский

© Виталий Лучковский, 2026

ISBN 978-5-0071-0072-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Заря черная

Глава 1

Ночь плавно снизошла на землю, обострив звуки и прихватив с собой поздне-весеннюю прохладу.

В кустах застрекотали жучки, им в унисон квакают лягушки, а на деревьях, с обеих сторон небольшой реки, поют ночные птицы.

Старый, железобетонный мост, перила которого изувечены временем и вандализмом, а в опорах торчат арматуры, уже с трудом несет долгую службу.

На нем четко выделяются следы шин. Фура, что недавно резко затормозила. Брошена. Водитель исчез.

Звонивший на днях старый лесник упоминал несколько пропаж. Люди просто исчезали, оставляя машины и вещи. Без следов.

На обочине стоит черный спортбайк. Рядом, на обильно поросшем травой асфальте лежит черная сумка.

Хозяйка всего этого добра сполоснула руки в холодной воде, обдала лицо. Справа от нее, в воде от берега отплыл темный, плотный круг. Он слегка пульсирует и если всмотреться, то в нем начинает проступать лицо. Не человеческое. Собранное из водорослей, рыбьей чешуи и утонувшей листвы.

— Я не за тобой, — девушка встала, махнула тонкой ру-

кой. Одета она в черный мотоцикостюм, облегающий, подчеркивающий каждую ее форму, — Плыви прочь.

Она спокойно направилась к мотоциклу, зная, что то, ради чего она здесь, вскоре появится. А это пятно, сутемь, безобидно.

Оно рождается из колеса старой мельницы, которое оторвало во время паводка и унесло в глубокий омут. Колесо перестает вращаться, но вода вокруг него продолжает помнить движения. Годы сплели эту память с остатками сетей и снами утонувших рыбаков. Сутемь — место, где река забыла, что она течет и начала кружить вокруг собственной тоски.

Ветряные мельницы давно канули в прошлое, но, видно, монстрик живет достаточно долго, не наравшись на сети.

Сейчас встретить сутемь большая редкость. Поэтому Кара решила не трогать безобидное существо.

Из лежащей на земле сумки девушка достала детский, гидрогелевый автомат, проверила наличие в обойме шариков. На всякий случай пару заполненных обойм положила в карманы.

Кара, девушка высокая. Не просто высокая — вся состоящая из линий, которые модельеры рисуют в эскизах, а потом ищут таких девушек годами. Плечи расправлены, но без напряжения, а как у человека, который привык не прогибаться, даже когда устал. Тонкая талия, переходящая в крутые бедра. Такой разрез, от которого пересыхает во рту. Длинные

ноги, подстать модели. Имя Кара, она получила от наставницы. Кара как наказание

Ее лицо овальное, с чёткими скулами, которые могли бы резать стекло, и подбородком, чуть приподнятым — не надменно, а скорее настороженно. Глаза большие, чуть раскосые, с длинными ресницами, отбрасывающими тени на щеки. Цвет — изменчивый, как болотная гладь: то золоти-сто-карий, то тёмно-зелёный, в зависимости от того, падал ли на них свет или тень. В них всегда усмешка. И всегда — сталь.

Губы полные, чётко очерченные, с чуть приподнятым уголком — вечная полуулыбка, которая могла означать что угодно: от «я тебя слушаю» до «я тебя уже похоронила». Она почти не красится, но губы её выглядят так, будто их только что поцеловали. Или она только что укусила кого-то и осталась довольна.

Волосы. Длинные, густые, ниже лопаток, тёмно-русые, с рыжеватым отливом, который проявлялся только на солнце. Она их почти не укладывает — просто закручивает в узел на затылке, и несколько выбившихся прядей падают на виски, на шею, на ключицы. Когда она распускала их, они ложились тяжёлой волной, и в этот момент Кара переставала быть «боевой единицей» и становилась просто девушкой, которую хотелось обнять.

Шея длинная, изящная, с выступающей ключицей, где иногда блестит капелька пота или дождевой воды.

Луна скрылась за ночным облаком и кусты на противоположном берегу зашелестели. Словно маленький зверек проскочил сквозь них.

Резко присев на колени, Кара вскинула автомат. Глядя на кусты через механический прицел, девушка сверилась с часами.

Исчезновения происходили между полуночью и тремя часами. Сейчас полночь. Не самый пик буйства нечисти, как считают, но и не безопасный. А есть ли вообще эта безопасность?

Кусты снова зашевелились и послышался тихий всплеск воды, словно что-то вошло в реку. Может, зверек? Которому не до сна?

Кара встала и не опуская автомат, сделала пару шагов к воде. Ее глаза быстро двигаются из стороны в сторону, пальцы на курке.

За мотоциклом раздался скрежет гравия и резко повернувшись, Кара направилась к спортбайку. Слегка наклонившись вперед, она по небольшой дуге обогнула свой транспорт и заметив движение со стороны реки, развернулась, падая на спину и нажав на курок. Орбизы, словно пули, вылетали из игрушечного автомата, очередью пройдясь мимо стремительно исчезнувшего в воде бежевого женского силуэта.

Прекратив стрельбу, Кара медленно подошла к воде. Снова на противоположном берегу зашуршали кусты. Девушка пустила по ним очередь и орбизы шустро скосили кусты.

Отпустив курок, Кара присела на колено. Сидя тихо, неподвижно, она прислушалась к каждому шороху, присматривалась к каждому движению.

Ветки на верхушках деревьев колышутся чуть быстрее, чем на текучей воде двигаются бесконечные маленькие, всего пару миллиметров, волны. Они словно слушают медленную романтическую мелодию. И происходящее вокруг для них не существует.

Стоило Каре подойти к воде, как из нее на девушку налетела женщина.

Очередь из орбизов, словно смертоносный свинец, изрешетила ее, оставляя завихрения дыма, быстро рассеиваемые в ночи.

— Какая-то злая мокля попалась, — сложив оружие, Кара стала шуршать по траве, заметила у подошвы правого ботинка блеск, приподняла тонкую золотую цепочку. — Вот и оплата.

Украшение — все, что осталось от женщины в мокром льняном платье, никогда не высыхающим.

Насколько Кара помнит, у них нет лица, лишь гладкая, тугая поверхность речной глади, на которой плавают отражения некогда утонувших бедолаг. Ее волосы — длинные нити зеленой тины, что шевелятся даже в полном ветренном молчанье. Ее руки до локтей прозрачны, а ниже и вовсе уходят в туман.

Мокли рождаются из девичьего венка, что бросили в воду

на Купалу, да вот только он не уплыл, застряв под корягой. Если венок не тонет и не прибивается к берегу три дня, вода начинает помнить руки, что его плели. Мокля — память о невыполненном желании, о том, что так и не сбылось. И, если судить по исчезновениям, желания эти были слишком жестоки. Видимо, сплевшая венок девушка желала кому-то смерти.

Сев на спортбайк, Кара доставила телефон, отправив нанявшему ее леснику сообщение: «Можешь отдыхать. Но к мосту не ходи до утра, пусть вода смывает остатки». Затем одев шлем, умчалась прочь.

Несколько десятков километров вели девушку по ночной дороге к родному Часозерску, на окраине которого располагался ее неприметный, сельский домик.

Первый раз Кара, семнадцатилетняя девушка, вместо того, чтобы по вечером гулять в компании, бродила в обтягивающих джинсах, сапогах и кофте по заросшему камышами берегу реки. В руке у нее всего лишь пластиковый игрушечный нож.

Кара тогда была не одна. Ее наставница, необычайной красоты, описать которую даже трудно, была где-то рядом. Девушка чувствовала ее. Хоть на вид наставнице было лет восемнадцать, эта иллюзия быстро разрушалась, стоило ей лишь заговорить. Эларизель, так ее звали, произносила слова с нотами восточного тысячелетнего мудреца, каждая фраза которого вызывала лишь новые вопросы.

Кара тогда охотилась на шепшика, маленького, сторбленного, серого валуна. Его вред состоял в помутнении разума рыбаков и принуждению к алкоголизму.

Страх вызывал у девушки дрожь, озноб. Как бы она не сжимала деревянный нож, ей казалось, держит она его недостаточно хорошо.

Кара только обрела эту способность, что наградила ее наставница, и не сильно верила в эффективность.

Вскоре из воды на нее вылез шепшик, жаба, немного не доходящая ей до колен. Его спина покрыта круглыми, тихо перекатывающимися друг об друга камнями. Вместо глаз глубокие выемки, в которых всегда находится вода. Рот широкий, беззубый, никогда не закрывающиеся. И поэтому из него постоянно сочится тонкая струйка мутной воды с четким ароматом спирта. Словно испорченный самогон.

Шепшик прыгнул на Кару. Девушка только и успела раскрыть рот, набирая воздух от изумления, как эта тяжелая туша навалилась на нее. Под тяжестью твари она стала задыхаться, шире открывая рот и струящаяся из пасти шепшика жидкость попала ей в горло.

Кара тогда убила монстра игрушечным ножом, резавшим существо похлеще кухонных.

Ну, а потом девушка пару дней страдала похмельем.

Уставшая, мокрая, вся в запахе тины, Кара вошла в дом, бросив ключи от спортбайка в стеклянную салатницу в виде ракушки.

Девушка прошла на кухню, на мгновение остановившись. Ее тянущаяся к выключателю рука так и застыла на полпути.

На стуле сидит молодая красавица. Вокруг темнота и мебели видны лишь очертания, но она будто изнутри еле различимо светится тусклым, холодным голубым.

— Устала? — вопрос Элариэль звучал скорее всего как утверждение. Голос немного высоковат, слащав. Каждое слово соблазняет, подчиняет, располагает к себе.

— Не то слово! — Кара подошла к плите, взяла с него чайник и почти на ощупь подойдя к раковине, стала набирать воду.

— Ты хорошо все сделала, но немного не так, — прямые волосы цвета звукового серебра ровными прядями падают ниже плеч, сзади собраны в хвост. Овальное лицо Элариэль с большими, раскосыми карими глазами с интересом наблюдают за ученицей.

— Что? — Кара обернулась. Ей казалось, она убила монстра, проблема решена.

— Ты стреляла в страх, не в тварь, — Элариэль наклонила голову на бок.

— Ну, как получилось, — перелив чайник, Кара, цыкнув, включила свет. Она повернулась к наставнице, но ее уже не было, — Снова...

На столе, рядом с которым сидела Элариэль, лежит сухой цветок, отливающий эвклазом.

Взяв его словно хрупкую драгоценность, Кара отнесла в

зал, положив в сервант рядом с несколькими другими, совершенно разными между собой цветками.

Вернувшись на кухню, вскоре Кара, сидя у окна и попивая крепкий кофе, встретила рассвет.

Ей вспомнилась фраза, которую она при знакомстве с Элариэль слышала:

«Иногда самое страшное не желающий убить тебя монстр, а твой страх. Он же главный враг».

Утро. Время, когда мозг твердит, что пора вставать, ждут дела, но тело категорически с ним не согласно. Иногда бывает так, что и мозг не согласен сам с собой.

Отвернувшись от окна, за которым солнце пытается прорваться через листву яблони, Кара натянула на голову одеяло.

Вытянув руки и ноги, она с легкой улыбкой блаженства расслабилась, позволяя сну унести сознание в неизвестность, как завибрировал телефон.

Без какой либо охоты девушка раскрыла лицо, в надежде, что если ей не показалось, то хотя бы звонок не продлится долго. Но нет, кто-то настойчиво ждал ответа.

Приоткрыв глаза лишь для того, чтобы найти и взять телефон, Кара поднесла его к уху и вновь закрыв их, ответила на звонок.

Голос женский, плачет.

«Это Кара? Мне сказали, вы одна... Я... Я не знаю, к кому идти... У мменя сын пропал. Перед исчезновением он го-

ворил, что ночью к нему приходила какая-то женщина. Ему всего двенадцать... Бред какой-то, прошу, если можете помочь...»

Приподнявшись, Кара взяла лежащий на тумбочке у кровати блокнот, записала адрес и отключившись, раскинулась на кровати. Ее мечты пролежать весь день разбились, словно зеркало об бетон. Оставив после себя лишь осколки разочарования.

И через час Кара на любимом и единственным своем транспорте мчалась по трассе в сторону агрогородка Клетное.

Север горизонта окрасился в серые тона с бледно-голубым отливом, неся с собой дождь.

Девушка прибавила скорость, проносясь мимо поворотов, полей, населенных пунктов. Навигатор за полтора часа привел ее к дому на окраине агрогородка. Одноэтажный дом из белого кирпича с треугольной крышей встретил девушку мрачностью. Трава скошена, но под стать небу и окнам, обесцвечена. Калитка приоткрыта, мол, входи, если посмеешь.

Во дворе, сбоку, на песке разбросаны детские игрушки, чуть дальше пустая будка и прикованный к ней цепью ошейник, лежащий на маленькой траве. У самого входа в будку пустая алюминиевая миска.

Обитая чем-то мягким, верь в дом приоткрыта.

Кара подошла к ней, открыв шире.

— Эй, есть ктонибудь? — постучав, девушка сделала шаг

внутри.

Достав из-за пояса пластиковый керамбит, она вошла в коридор, заполненный старым маленьким шкафчиком с обувью, вешалка с одеждой и вековой стул. Далее приоткрытая дверь привела в прихожую, где за столом сидит женщина лет пятидесяти, тихо плачет, утирая лицо платком.

— Простите, — Кара позвала ее, убрав нож, — Вы слышите?

— А... Что? — поняв, что не одна, женщина поспешно вытерла слезы, — Вы кто?

— Кара, вы мне утром звонили, — девушка подошла ближе, поискав стул, не нашла. Вернувшись в коридор, она схватила его оттуда, сев рядом с женщиной.

— В.. Вы Кара? — хозяйка дома посмотрела на нее, — Слишком молоды.

— Это не важно. Когда пропал Ваш сын? — Кара положила свою руку на нее.

— Вчера... Эта женщина... — дрожащими руками хозяйка вытерла глаза, — Я не слышала ее. Сын говорил... Она... Она...

— У Вас есть свежее фото сына? Дадите мне? — Кара отстранилась, дав той возможность встать.

— Д.. Да. Конечно, — она встала, направилась в дом. И меньше чем через минуту вернулась с телефоном. Затем пару минут искала нужное фото. — Вот, нашла. Это у школы. Он тогда впервые получил десятку по математике. Пред-

ставляете. Я посчитала это большим событием, ведь он выше шестерки никогда не получал...

— Да уж, это событие, — согласилась Кара, вспомнив свои тройки. Сфотографировав изображение, она встала, — Можете меня провести в его комнату?

— Да, конечно, — женщина отправилась в глубь дома. Там большая комната разделена шторой, висящей на натянутой нитке, — Я сплю слева, а он справа.

— Вы огорожены только шторой и ничего не видели? — Кара пожала плечами, подойдя к кровати сына, — А когда он пропал именно?

— Я проснулась, его уже не было... Ничего не слышала, наверное, крепко спала, — последнее горюющая мать сказала на вопрос Кары о звуках.

Заметив на полу около кровати черные следы, будто голых ног, Кара присела.

— Какой размер носит Ваш сын? — вопрос должен был прозвучать, хоть и след женский.

Отодвинув одеяло, Кара увидела пятна сажи. Затем снова вернулась к следам на полу.

— Неужели вы этого не заметили? — указав на следы, сажу, девушка получила отрицательный ответ.

Выйдя из дома, Кара стала обходить дом, согнувшись чуть ли не на коленях. Через минуту спина начала болеть и девушка пообещала себе всерьез заняться гимнастикой. Хотя ее тело и так, по ее мнению, более менее пригодно для рабо-

ты, но эти боли удручают.

Выгнувшись, девушка сделала зарядку, затем небольшой перерыв, и продолжила поиски.

Вскоре следы вновь появились за домом. Они стали различимы благодаря траве. Женские ноги, почти одинакового с Карой размера, до земли выжгли молодую зеленую траву, начавшую во всю прорастать на останках старой.

Следы ведут за дом, на поле. Деревянный забор сломан. Трудно определить, когда. Доски почернели от времени, края обломаны.

Перешагнув через доски, Кара стала смотреть дальше. Трава доходила до колен и девушка минут через пять еле разглядела выжженные женские следы. Девушка присела и шов штанов назойливо, раздражительно въелась внутрь и она поспешила встать. Мотокостюм хоть и выглядит стильно и как-то «по-шпионски», но вот некоторые движения вызывают дискомфорт.

Кара глубоко вдохнула наполненный запахом травы воздух и побрела вперед, отдаляясь от забора.

И чем дальше шла в поле, тем гуще трава.

Вдали Кара заметила некое строение. Небольшое, вроде красное, или черное, не рассмотреть. Она ускорила шаг.

И с каждым пройденным метром становилась все отчетливее видна одинокая печь, словно после войны. Красный кирпич почти почернел, отсюда и проблема с цветом.

Вокруг печи, в траве разбросаны кирпичи, некоторые со-

единенные между собой. Некоторые образуют подобие плит.

Обойдя развалины, Кара заглянула внутрь печи — чернота скрывала все, что могло бы там находиться, а слой сажи не давал рассмотреть стены даже с краю.

Девушка достала смартфон, включила фонарик и осветила внутрь. У края стены слегка осветлились, отражая свет фонарика, но дальше все та же крошечная тьма.

— Так ты тут прячешься, подруга! — тихо воскликнув, Кара стала обходить печь, внимательно разглядывая ее стены. — Как же тебя мне достать?

Девушка провела пальцами по грубому шершавому кирпичу, не переживая о грязных пальцах: вымаются!

Эта женщина, призрак она, нечисть или что-то еще, внутри. Скорее всего, там, Кара не уверена. Но, как и все, эта мадам будет защищать свою берлогу, особенно, если привязана к ней.

— Что ж, — Кара стала ощупывать свои карманы, — Ага, нашла!

Достав зажигалку, девушка повертела головой вокруг.

— Ты, наверное, здесь и сгорела. Что ж, сочувствую. Но ребенка нельзя было трогать. Живое для живых, — девушка отошла от печи, склонилась над сухой травой. Снова встала, матерясь на неудобство одежды, ногой соскребла в маленькую кучку немного травы.

— Я здесь погреюсь, ладно? — Кара начала зажигать огонь, но раз за разом, кроме раздражающего звука и пары

быстро гаснущих искр та не выдала ничего. — Да чтоб тебя!

Постучав об подошву обуви, снова попыталась запалить ее. Сжав сильнее в руке и стиснув зубы, девушка, уже изрядно злясь, все чиркала и чиркала. До тех пор, пока не возникло маленькое пламя.

Кара поспешила подпалить траву. Легкий язычок пламени скользнул по сушью, не спеша набирая силы.

Девушка немного отошла в сторону, намереваясь создать еще очаг горения, но огонь над зажигалкой старательно потушил ветер.

Со стороны печи донесся скрежет, словно когти скребут по кирпичу, слышно, как откалываются маленькие кусочки и песчинки.

— А, все таки решила вылезти, познакомиться, — Кара достала игрушечный керамбит. — Ну, подруга, вылезай!

Из печи высунулась тонкая, женская рука с двух сантиметровыми ногтями. Кожа покрыта тонким слоем сажи — бархатистой, сухой, излучающей запах горелого дерева и старой глины.

Затем появилась ее голова. Длинные, черные волосы мерцают матовым, цвета угольного пепла. Красива, лет двадцати пяти. Глаза светлые, почти белые, с еле различимыми зрачками смотрят на живую одногодку пристально и тепло. Одежда в тонкую, истлевшую рубаху, нижняя часть отсутствует. Ткань держится лишь на плечах, обнажая выпуклости и не скрывая ничего ниже живота. Ноги длинные, тоньше, чем у

Кары, босые. И каждый след остается на траве черным, черным, выжженным отпечатком с яркими контурами пальцев.

— Так ты чадница, — прошептала Кара, сделав шаг навстречу, — Или как тебя там рифмоплеты называли? Печная тоска?

Кара вспомнила происхождение этих дев.

Рождаются чадницы в печи, которую топили берёзовыми дровами ровно сто лет. Без перерыва — день за днём, зиму за зимой. Когда старую печь наконец разбирают, внутри находят не сажу, а нечто тёплое, женское, дышащее. Чадница — это не душа умершей. Это душа самого огня, уставшего греть чужие спины и захотевшего однажды согреть только одного. Они выбирают детей лет двенадцати — четырнадцати. Словно мать, у которой никогда не было дитя.

Они уводят их с собой, в печь, грея до тех пор, пока тело ребенка не иссохнет. Согревая, превращая в пепел. Ведь чадница не видит боли и страданий. Согревая, она так заботится, не осознавая, к чему это приводит.

Но эта дама, что в полусогнутой позе стоит перед охотницей, немного иного рода. Как бы не совсем созревшая. Видимо, дом сгорел до того, как печь разобрали. И ее обиталище осталось одно. Без уюта. Без дров. Словно лишенный веток и ствола птенец, вместе с гнездом брошенный в поле.

— Ты бы прикрылась, — Кара направилась к чаднице.

Печная тоска не шелохнулась, не сопротивлялась. Она просто стояла и смотрела в глаза. Печально и, казалось, по-

нимающе. Этот взгляд показался Каре живым. Настолько наполненным чувствами, насколько может себе позволить тварь, что никогда и не была живой.

— Прости, подруга, — охотница полоснула керамбитом по оголевшему горлу, не отойдя от девушки даже в тот момент, когда она рассыпалась, покрыв Кару пеплом.

Присев, девушка подобрала с земли спёкшийся кусок печной глины с сохранившимся отпечатком женской ладони, размером с ладонь взрослого человека. В ломбарде за него не много дадут. Гончары используют такие куски как шамотную добавку для дорогой керамики. Ценят за особую структуру обжига.

Убрав игрушечный нож, Кара подбежала к печи. Тьма, что скрывавшее все внутри, исчезла и теперь отчетливо виден силуэт мальчика, дремлющего в черноте.

Кара засунула руки внутрь и когда начала вытаскивать ребенка, он стал просыпаться. Глаза приоткрылись и он с испугом и непониманием прищурил глаза, спасаясь от ударившего в них дневного света.

— Мама? — вяло спросил он, когда девушка, взяв его на руки, под его тяжестью присевшая, с трудом поволокла в сторону дома, — Где мама?

Мать встретила ребенка со слезами на глазах, криком. Дрожащими руками она приняла свое дитя, обнимая и целуя, мигом испачкалась сама.

— Вы... Спасибо тебе, — прижав голову все еще не пол-

ностью пришедшего в себя ребенка к груди, мать посмотрела на спасительницу снизу вверх, — Как я могу? Как Вас отблагодарить?

Кара промолчала, давая возможность ей самой выбрать награду.

Женщина повела ребенка в дом, заботливо уложила на кровать. Затем полезла в сервант, достав оттуда сверток денег.

— Возьмите, это все, что могу дать, — она всучила деньги и отвернувшись, полностью занявшись сыном.

Постояв немного, Кара сунула сверток в карман и удалилась. Ей самой не помешали бы душ и отдых. Все тело пропахло гарью.

Стоя дома под душем, Кара вспомнила одно из своих первых дел.

Старая баня. Помещение не большое. В руке деревянный нож и фонарик. Она одета была в кроссовки, леггинсы и легкая майка, под которой виднелся черный, как и она бюстгалтер.

Тогда была дождливая ночь, темнее ночи, наверное, уже не бывают. И вокруг не видно ничего. В бане был пар и тварь, невидимая, призрачная, всего лишь сгусток, играла с ней. Она обжигала и леггинсы первыми начали плавиться. Майка покрылась дырками, шлейка бюстгальтера оборвалась, на теле ожоги.

«Пошел прочь!» — всего два слова, произнесенные спо-

койным тоном, и тварь исчезла. Навсегда.

Элариэль тогда не сделала ничего, но одна лишь фраза, и пар исчез. А вместе с ним и дождь.

Став под теплой струей душа, Кара смыла с себя шампунь.
— Я уже больше пяти лет охочусь, — произнесла она, позволяя телу расслабиться, — Но я до сих пор не знаю, кто они. Откуда. Почему?

И тут же вспомнила слова наставницы:

«Ты узнаешь, когда будешь готова. Сейчас — нет».

По ночам звуки в доме и за окном приобретают свои, наполненные таинственности, звуки. Где-то шуршит мышь, скрипит половица, дверца шкафа. Дом живет своей жизнью и здесь никогда не бывает тихо. За окном же немного иные звуки. То что-то стукнет в окно, то прожужжит. То скрипнет калитка.

К утру слышимость слегка затихает. Ее перекрывают гул машин, двигателей. Кто-то начинает косить молодняк, кто-то пилить или еще чтонибудь. И обязательно хоть в одном дворе, на каждой улице громко играет музыка.

Солнце вновь своими первыми лучами заявило о себе, и Кара поспешно отвернулась.

Сон, словно карусель, стал уносить сознание девушки в таинственные миры сновидений... и мотивированный стуком в дверь, тут же стремительно вернул обратно.

Сделав глубокий вдох и шумно выдохнув его через рот,

Кара приподнялась, зевнула. Встала.

Спала она в одной ночнушке, поэтому идя к двери, накинула на плечо платок.

— Кто там? — еще не подойдя к двери, громко спросила она. Заглянула в небольшое окошко.

На пороге стоит женщина лет сорока.

Девушка открыла ей дверь.

— Вы Кара? — гостья мокрая, на голове черный платок, такой же в руке. Красными глазами она смотрит на хозяйку, — Мне сказали, Вы... У меня муж пропал. Третью ночь...

Кара отступила, приглашая в дом, и та, не переставая говорить, зашла за порог, но дальше проходить не стала.

— Я уже в милицию ходила, -женщина вытерла слезу платком, в него же и высморкалась, — Они сказали, что ушел в запой. Но он не пьет, понимаете? Он совсем не пьет у меня...

— Где пропал? — глядя на дрожащую женщину, Кара решила ее долго не дергать.

— У озера. Там, за городом есть одно, небольшое. За лесом. Черное называется. Он туда пошел рыбу ловить.

— Тянет же вас всех то в черные, то в темные, — прошептала Кара, записав адрес и номер женщины, — А названия такие для красоты, что ли?

— Он не вернулся. А утром я нашла его удочку на берегу, — выйдя во двор, прежде чем уйти, женщина добавила, — Я ему ее на день рождения дарила.

Кара промолчала. Подарки... Для нее все это немного чуждо. Наставница дарит в основном сухие цветы. А семья... Этот дом, все что осталось.

Тот день Кара почти не помнит. Родители ехали разводится, взяв зачем-то ее с собой. А дальше авария, попытки отправить в детдом и наставница...

Закрыв за женщиной дверь, зевая, Кара вошла на кухню, включила чайник и сделав кружку кофе, вошла в соседнюю со спальней комнату.

Комната, по размерам соответствующая спальне, тоже имеющая одно окно с выходом на заросший огород, играла роль арсенала.

У граничащей со спальней стены в ряд поставлены тумбочки, над которыми висит игрушечное оружие. Автоматы, пистолеты, ножи, мечи, арбалет и другие.

Посреди комнаты стоит стол со старыми дорожными картами, многие деревни на которых ныне уже не существуют. У противоположной тумбочкам стены стоит старый диван. А у последней стены, напротив окна расположен гардероб со спецодеждой. Тут и спортивный костюм, гидрокостюм, термобелье, мотокостюмы. На верху, на полке лежат балаклавы, шлемы, даже современный боевой шлем, который она приобрела на всякий случай.

Подойдя к тумбочкам, Кара открыла одну из них. Полка забита банками с выращенными орбизами. Взяв одну из банок, девушка сняла со стены стильный пистолет-пулемет. Из

другой тумбочки достав спортивную сумку, сунула все в нее. Еще из одной достав ремни, подошла к гардеробу.

Сняв ночнушку, девушка, оставшаяся в нижнем белье, достала мотокостюм и стала натягивать его на себя. Чёрный, с жёсткими вставками на коленях и локтях, потёртый, ни разу не подводивший. Пахнет он бензином и прошлогодним лесом. Запах, настолько въевшийся, что стал родным.

Кара застегнула ремни, проверила, удобно ли. Взяв со стены маленький, очень легкий пистолет-пулемет, она насыпала в магазин орбизы, банку с оставшимися сунула в сумку.

Выйдя во двор, Кара, толкнула калитку. Спортбайк стоял в сарае, накрытый черным брезентом. Скинув его, девушка завела мотоцикл, мотор чихнул и зарокотал ровно, привычно. Надев черный, как и все на ней, шлем, выехала со двора, не обернувшись на дом.

За поворотом городок кончился. Дорога сузилась, асфальт рассыпался в гравий, через несколько сотен метров переходящий в плотную грунтовку. По обе стороны — поля, местами заросшие кустарником, местами — скошенные, с копнами сена, похожими на спящих желтых зверей.

Через двадцать минут навигатор привел ее к лесу. Он, словно туча, темной линией проступил далеко впереди, приближаясь, увеличиваясь. И становясь только мрачнее. Кара сбросила газ, остановившись у обочины, заглушила мотор.

Тишина тут же ударила в уши. Звонкая, как после выстрела. Девушка сняла шлем, прислушалась. Тишина окружила,

словно толстый слой воды дайвера. Лишь шелест листвы и редкий треск при покачивании верхушек... Нет, не нарушают — дополняют ее. Взяв сумку, Кара пошла пешком, в лес, оставив транспорт позади. Запах прелой листвы и сырости, словно вдох молотого перца, ударил в нос.

Под ногами хлупает мох, ветки скользят по костюму, но Кара шла вперед уверенно, не глядя под ноги. Будто знала каждую кочку, хотя здесь впервые.

Ноги сами находят несуществующую тропинку, прокладывают ее, обходя корни, переступая через валежник.

Лес расступился внезапно, словно занавес перед началом спектакля.

Перед ней озеро, круглое, чёрное, без единой ряби метров не больше полусотни. Вода неподвижна, словно зеркало. Берег с одной стороны песчаный с других сторон то сплошная стена кустов, то камыши заглядывают в глубину. Песок здесь не желтый, серый, земляной, почти пепельный. Кара остановилась на краю, вглядываясь в глубину.

Чёрное озеро. Название не вралю. Вода действительно словно мрак.

Тишина здесь иная. Она густа, тягуча, будто воздух обрел плотность и видимую осязаемость.

Кара стала слышать собственное дыхание и биение своего сердца. И больше ничего. Ни комаров, ни всплеска рыб.

Девушка пошла вдоль берега, низко наклонившись, разглядывая песок. Следы нашла почти сразу же — чёткие от-

печатки не ног. Широкие ладони, с длинными пальцами, заканчиваются вмятинами, словно от когтей. Они ведут из чёрной, неподвижной глади озера. Теряются в траве, метрах в пяти. А после возвращаются обратно. Туда и назад. Много раз.

Кара присела на корточки, коснулась пальцем одного отпечатка. Песок влажный, отдает холодом, а в глубине следа — что-то блеснуло. Она поднесла руку ближе — кусочек блесны.

Девушка поднялась, огляделась. На другой стороне озера, за редкими деревьями, виднелся старый мосток. Кара перешла к нему по берегу, обходя воду по широкой дуге.

На мостке лежит удочка. Простая, старая, с облезлым поплавком, обмотанная синей изолентой на рукоятке. Это тот подарок, о котором говорила женщина? Но если удочку нашли, что она делает здесь? Тот ли это мужчина, или нет, он все же держал удочку в руках, сидел на этом самом мостке и закидывал леску в чёрную воду... И даже не заметил, как что-то вышло за ним.

Кара подняла удочку, осмотрела. Леска цела, крючок пуст.

Она положила удочку на мостки, достала из рюкзака оружие, проверила целостность орбизов в магазине. Затем села на корточки у воды, положила автомат рядом на доски. И стала ждать.

Когда-то, в долгом ожидании Элариэль учила ее: «Ты не

охотишься, пока не поймёшь, что жертва сама идёт к тебе. Терпение — вот твое сильнейшее оружие. По крайней мере оно может не кончаться.»

Солнце поднималось всё выше, но здесь, над чёрной водой, оно казалось бледным, зависшим. Словно его свет не мог пробиться сквозь ветки деревьев и боится прикоснуться к глади озера.

Прошёл час. Возможно, больше. Кара чувствовала, как холод от воды поднимается по доскам, пробирается сквозь костюм, касается кожи. Как тело змеи, пролезает в щели. Девушка не двигалась. Прислушиваясь к звукам, ощущениям и наблюдая за поверхностью.

В какой-то момент тишина дрогнула. Сначала едва уловимо, как кто-то вздохнул за стеной. Затем плеск. Тонкий, почти невесомый, но Кара уловила его сразу. Она не повернула голову, только скосила глаза в сторону — направо, туда, где чёрная гладь начинала рябить от самого центра.

Из воды поднялось нечто, похожее на руку. Вместо пальцев длинные тонкие отростки с тремя суставами, заканчивающиеся когтями темного обсидиана. Она легла на край мостка, сжала доски, оставляя мокрые следы. Потом — вторая. Рывок. И все существо оказалось перед Карой.

Человекообразный, но до жути вывернутый наизнанку. Кожа монстра гладкая, мокро-чёрная, как обкатанный водой базальт, без единого шрама или складки. Глаза огромные, бледно-белые, без зрачков, но с мелкими чёрными точками,

похожими на капли дёгтя. Рот представляет из себя широкую горизонтальную щель, без губ, никогда полностью не смыка-
ясь

Кара медленно встала. Она знала глыбника, того, кто на дне. Но встретилась с ним впервые.

Существо наклонило голову, будто рассматривало Кару. Но не напало. Ждет, изучает.

Кара вдруг поняла, что оно не хищник. Нечто другое. Потерянное.

Оно возникает в озёрах, которые образовались на месте торфяных болот, где сотни лет тонули люди, но их тела не всплывали — торф консервировал и не отдавал. Когда под водой накапливалось девять утопленников, которых так и не оплакали, самая тёмная вода в центре озера начинала сгущаться, сжиматься и обретать кости. Глыбник — это не дух, не живое существо, а вода, решившая, что она теперь человек, и завидующая тем, кто может дышать.

Кара опустила пистолет-пулемёт.

— Ты его забрал, — сказала она негромко, ровно, как говорят с испуганным зверем. — Зачем тебе? Он не утопленник, просто человек. Отпустишь его?

Существо ответило вырвавшимся из щели звуком. Не голос и не шипение. Нечто похожее на дыхание, на всхлип... на слово, которое не сложилось в язык.

Кара смотрела в гладкую маску и чувствовала, как внутри неё поднимается знакомое уже чувство. Не страх. Не злость.

Только тихая тоска.

— Ты не знаешь, — прошептала она, с грустью глядя в это вывернутое лицо — Ты просто хотел, чтобы он остался с тобой. Живой... Единственный живой.

Она не спросила «почему». Она знала, что ответа не получит. Элариэль учила искать ответ лишь там, где он может быть. И сейчас вместо ответов здесь одиночество — в воде, без лица, без голоса. В десятке неоплаканных утопленников

Кара резко выпрямилась, подняла пистолет-пулемёт, одним движением вскинула и выстрелила. Орбиз, щёлкнул, пролетел в воздухе и ушёл в воду в двух сантиметрах от существа.

Существо дёрнулось, нырнуло, исчезло в чёрной воде. На поверхности остались круги, растущие и медленно затихающие.

Кара стояла на мостках, опустив оружие. Она не попала. Не желала этого.

— Просто пусть знает, что я здесь, — сказала она в пустоту.

Затем подошла к тому месту, где лежала удочка, подняла её. Некоторое время смотрела на неё, затем развернулась и пошла обратно, к дороге, не оглядываясь на чёрную воду.

Дойдя до мотоцикла, девушка встала неподвижно.

— Да как же так! — выкрикнув, она пнула свой транспорт, со слезами на глазах достала автомат и направилась назад.

Подходя к воде, она с криком открыла по воде огонь.

— Отпусти его! Просто отпусти! — орбиты стремительно кончались, она с ненавистью к себе, к монстру, проклятой воде и судьбе стреляла.

Когда обойма опустошилась, Кара бросила автомат на землю и рыдая, села на колени...

— Почему ты! Надо было... Просто отпусти, — шепотом, глотая горечь и слезы, она упала на бок.

Без сожаления, без мольбы, но с глубокой обреченностью она лежала, глядя на черную гладь воды. Сердцем девушка чувствовала, что они оба мертвы. И рыбак, и глыбник.

Солнце стало клониться к земле, окрашивая верхушки деревьев в пламя. Кажется, что сам лес горит.

Девушка встала, подхватив удочку, вернулась к байку.

Всю дорогу домой она сомневалась, стоит ли ехать к женщине. Сможет ли она смотреть в наполненные горем глаза? А достойна ли вообще смотреть в них?

— Возьми... Эти деньги мы с мужем копили на машину. Теперь они мне не нужны, — в каждой интонации, в каждой выговоренной женщиной букве чувствовалась та, разъедающая душу боль.

Трясущимися руками Кара приняла деньги. Отказаться она попросту не могла. И покинув дом, поехала до ближайшего магазина. Там, купив водки, девушка ринулась домой.

Глава 2

Из-за занавешенных окон в доме полутьма, намного темнее, чем за окном. На кухне, под столом несколько пустых бутылок, на столе открытая, почти полная. Рядом с ней лежат жестяные пивные банки, и сложно сказать, опустошены они, или нет.

На полу, в комнату ведет дорожка из одежды. Там же, лежа на кровати, на животе, наполовину укрыта, спит девушка. Плавные изгибы спины подчеркивают стройность. Кожа светлая, чистая. Тонкая рука свисает. Привыкшая к грубости кисть грациозно касается кончиками пальцев пустой стеклянной бутылки.

Девушка во сне перевернулась, одеяло скользнуло по телу, по бугоркам вниз с кровати. Ткань почти полностью обнажила тело, но остановилась и неведомой силой поднялось назад, заботливо укрыв Кару.

Звонок смартфона, словно назойливая букашка, вторгнулся в уютный сладкий сон, разрушая все призрачные желания. Там Кара сидела в белоснежной комнате. Вокруг разноцветные молнии бьют, а у ног клубится тьма. И молодой парень, глаза которого как бы изнутри светятся белым, поглаживает волосы ей. Девушке с ним хорошо. Она чувствует его силу, власть, эйфорию. Она наслаждается... нет не прикосновениями, а самым его присутствием.

Любимая музыка на звонке мигом стала чуть ли не самой ненавистной. Она не умолкает и сон с огромным сожалением развеялся на ветру реальности.

Кара на ощупь взяла смартфон, одеяло слегка скользнуло вниз, обнажая плечо.

— Да, — немного грубо, вяло спросила она, перевернувшись на спину, — Ясно... Да, смогу... До свидания.

Девушка положила трубку и бросив смартфон к ногам, зевнув, злобно зарычала.

Голова болит, тело словно кто-то перестарался с массажем. Ощущения, будто каждый сантиметр покрыт синяками. Во рту сухо, хоть желудок и протестует против любой влаги.

Кара встала, умывшись, начала приводить и себя и дом в порядок.

Через пару часов она уже была готова. На ней чёрные тактические штаны, лёгкий свитер, поверх которого куртка с множеством карманов. В одном из них лежит пистолет-пулемёт, в другом фонарик. Девушка помнила, что в л4су нет одиночества и в любой момент можешь остаться там навсегда.

Выехав на мотоцикле Кара, всем телом почувствовала ветер. Он отталкивает назад, сдавливает, не позволяя на полную набрать воздуха. Но холода нет, всего лишь ощущение легкой давки.

Всю дорогу девушка думала о сне, о парне с белыми гла-

зами, как ей было хорошо с ним, жаль, как быстро это все исчезло, когда телефон вырвал её из той реальности.

Он, как и Элариэль, вызвал у нее улыбку и благоговение... Больше в этом мире на такое не способен, наверное, никто.

Лес встретил девушку густой тенью и запахом прелой листвы. Она остановила мотоцикл у края дороги, заглушила мотор и пошла пешком, ориентируясь на начавший немного шалить навигатор. Через десять минут она вышла на круглую, словно чаша, поляну. В центре, на старом пне, сидит старуха.

Сгорбленная, в рваной, пропитанной тиной одежде, которая держится только потому, что многолетняя слизь склеила тряпки в подобие платья. Лицо всё в глубоких морщинах, как высохшее дно озера. Но вот глаза еще искрят молодостью, светло-голубые, с детским блеском, что делает её облик особенно жутким. Руки трясутся мелкой дрожью, пальцы длинные, узловатые, с чёрными обломанными ногтями. Вокруг старухи стоят несколько плетёных корзин. В одних ягоды, крупные, чёрные, с маслянистым блеском. А в других аккуратно сложенная одежда: платки, сарафаны, рубахи, пахнущие мылом и травой, будто только что выстираны.

Кара остановилась на краю поляны, не делая лишних движений. Она знала, кто перед ней. Ягодница. Имя, которое в стародавние времена шептали в деревнях, но никто не знал, как с ней бороться. Кара видит её впервые, хотя слышала много рассказов о том, как она заманивает девочек, как обе-

щает им угощение и новые одежды. Как они идут за ней в воду, не в силах сопротивляться этому сладкому, липкому запаху, проникающему в самую душу.

Старуха подняла голову, и их взгляды встретились. Голубые глаза улыбнулись, и Кара почувствовала, как сладость ягод проникает в неё, обволакивая, словно тёплый мёд. Она захотела подойти, сесть рядом, взять ягоду и попробовать её. Но что-то внутри, на самом дне, где жила та часть её, которая помнит Элариэль и её слова, заставило её замереть.

«Не бери», — прошептал внутренний голос, и Кара сжала кулаки, прогоняя наваждение.

— Ты заманила девочку? — спросила Кара вслух, и голос её прозвучал твёрже, чем она ожидала.

Старуха не ответила. Только наклонила голову, и из её рта вырвался звук, не то смех, не то вздох. Корзины зашевелились, ягоды, точно живые, стали невысоко прыгать, и одна из них, скатившись с пня, упала к ногам Кары.

«Не трожь», — вновь прошептал внутренний голос, но Кара почувствовала, как её рука сама тянется к ягоде. Кончики пальцев коснулись гладкой, маслянистой поверхности, и в голове вспыхнуло нечто сладкое, тёплое, тягучее. Она почувствовала, как тело становится ватным, а в голове возникает звонкий, лёгкий восторг, который она так хотела вернуть из того сна.

Но девушка остановилась. Сжав зубы, и, сделав над собой усилие, резко отдернула руку.

— Ты ошиблась, — сказала она, и в голосе её зазвенела сталь, рука потянулась к ножу, — Я тебе не наивная девочка.

Ягодница зашипела. Голубые глаза потемнели, налились чернотой, будто дно озера, встала, разбросав корзины.

Из её рук вылетели ягоды. Живые, они полетели в Кару, но выронив игрушечный нож, выхватила автомат. Всего лишь один выстрел понадобился. В голову. Вместо крови, сухие почерневшие цветочки. Старуха еще сидела некоторое время, а затем рассыпалась желтыми листьями.

Тишина.

Кара стояла на поляне, опустив оружие. Воздух больше не пах сладким, только гарью и сырой землёй. Она огляделась. Рядом, под деревом, сидит девочка. Целая, невредимая, но ее взгляд пуст, на лице застывшая улыбка.

— Ты жива, — выдохнула Кара, подбежав к ней. Присев, обняла ее.

Девочка не ответила. Только улыбнулась шире, и в её глазах отразился не принадлежащий ей свет.

Кара нахмурилась. Она успела спасти девочку, но ее некая часть уже там, куда ягодница звала.

Подхватив девочку, Кара отпустила ее. Тяжеловата, немного тяжелее того мальчика на поляне. Взяв за руку, повела ее к дороге, благо, та покорно шла.

По дороге охотница подобрала корзину. Старая, ивовая, с выжженным на доньшке клеймом «Вязковъ, Морковъ». Корзина целая, крепкая. В ломбарде, где благодаря мон-

страм, Кара постоянный клиент, антикварные плетёные изделия дореволюционной работы ценятся коллекционерами и декораторами интерьеров.

Вернув девочку, Кара получила деньги и с каким-то опустошенным настроением, словно ее лишили чего-то ценного, заехала на заправку, затем в ломбард. И домой.

Остановившись у стоящей на столе бутылки с водкой девушка долго смотрела на нее, словно это что-то одновременно и блаженное и ядовитое. Как наркотик. Шепчет, манит, просит открыть, сделать всего лишь глоток. Один глоток.

Кара взяла бутылку, посмотрела на этикетку, «Деревенское», открыла. В нос ударил едкий запах спирта. Понюхав, сморщилась и вылила содержимое в раковину. Затем посмотрела на нее, на бутылку и пожалела о содеянном.

— Ну и зачем я это сделала? — поставив бутылку у мойки, она устало вздохнула, — Можно ж было использовать как валюту. Вот дура.

Взяв мусорный мешок, девушка убрала в него оставшиеся пустые бутылки, вынесла на улицу, в мусорку.

Вечером уже, лежа в кровати, поигралась в смартфоне, отложила в сторону. Принявшая на дежурство свой час, ночь накрыла все вокруг. В комнате еле видно очертание шкафа. И тень... Неестественная, очертания человека. Но кто? Эларизель? Тогда почему не подходит, не говорит? Тень просто наблюдает. И перед тем, как Кара потянулась и включила смартфон, таинственная тень растаяла.

Отправившись в соседнюю комнату, девушка вернулась оттуда со стреляющим маленькими пластмассовыми пуляками пистолетом. И положив его под подушку, уснула.

Дневной свет режущим наконечником ударил в глаза. Он, словно сорвавшаяся с натянутой тетивы стрела, безжалостно впивается в глаза.

Кара перевернулась на другой бок. Затем резко приподнялась, повернув голову к окну.

У подоконника стоит Элариэль. Наставница смотрит на солнце. Глаза широко открыты, блестят, словно впитывают этот свет. Общаются со светилом.

— Наставница! — вскочив, девушка в одной лишь ночнушке подбежала к ней, приобняла, — Вчера... И там, во сне, это была ты?

— Вчера и во сне? — Элариэль повернулась к ней, — Расскажи мне.

Кара начала говорить. Про парня она говорила с некий сожалением, а вчерашний гость вызвал испуг.

Элариэль улыбнулась, но промолчала.

— Ну что? Кто это был? — Кара, словно ребенок, приблизилась к наставнице, к самому лицу. Для себя отметила, что они обе мало того, что выглядят на один возраст, так и ростом одинаковы.

— Ты прошла через опасный путь. Мокля дала тебе одиночество. Чадница наградила желанием, — Элариэль гово-

рила завораживающе. Ее голос сладкий, богоподобен, — Глыбник напомнил о потерях, а ягодница усилила искушение...

При упоминании последнего, Кара стыдливо отвела взгляд. Наставница знает о пьянке? Как же стыдно!

— Но ты... Могла бы сделать так, чтобы исчезли все монстры? — краснея, спросила она.

— Эх, ты, — Элариэль легонько стукнула ее по носу, — Я щелчком пальцев могу разорвать эту планету и ближайшие, включая его, — и взгляд наставницы снова устремился на солнце.

— Но ты такая могущественная... Самая сильная, наверное, — Кара взяла ее за руки. Теплые, обычные. Человеческие.

— Нет, конечно же нет, — Элариэль посмотрела на нее, как смотрит бабушка на глупую внучку, — У меня есть два брата и две сестры. Еще мой Властелин и его одиннадцать братьев и сестер. Вот они да, могущественнее уже не найти. А так... Равных мне всяческих созданий полно. Как и тех, кто сильнее.

— Так у тебя есть властелин? — глаза Кары округлились, — Кто он?

— Вот это тебя уже никак не касается. И, кстати, тебе звонят, — Элариэль указала на лежащий на тумбочке смартфон.

— Никто мне не звон... — Кара запнулась, так как действительно раздался звонок.

Подойдя к тумбочке и взяв телефон, девушка обернулась и с тяжестью вздохнула. Наставницы уже не было, на подоконнике лежит сухой алый цветок с почти идеально круглыми лепестками.

— Ну вот, опять, — взяв цветок, Кара ответила на продолжающий звонить телефон, — Да, здравствуйте! Ясно. Адрес дайте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.